

Производный, облегченный критерий истинности знания состоит в его принадлежности: если говорит свой, то утверждение, как правило, истинно, если чужой, то утверждение ложно, поскольку враги говорят ложь и врагам говорят ложь. Поэтому начало познания – бдительность (как гарантия от обмана).

И здесь начинаются парадоксы тоталитарного сознания. Если враги говорят ложь, то говорящий ложь – враг. Если не хочешь, чтобы тебя записали во враги, не говори ложь, говори правду. Казалось бы, так и должно быть. Но когда, говоришь правду, не принимай за правду то, что сам считаешь правдой. Принимай за правду то, что другие считают правдой (если не хочешь стать им врагом).

Истина в тоталитарном обществе отчуждена от человека, стала “казенным” достоянием, превратившись в расхожий набор штампов, представляющие друг другу, демонстрируют лояльность режиму. Истина выродилась в “официальную ложь” ритуала, наряду с которой в тайниках тоталитарного сознания скрывается иное значение – личное, личный опыт, то есть, по сути дела, индивидуальное сознание, превратившееся в свою тень. Об этой “окопной правде”, личной правде предпочитают помалкивать, но она все же выплывает в виде всевозможных слухов, сплетен, минутных откровений.

Итак, тоталитарное сознание – это экспансионистское групповое сознание, находящееся между индивидуальным и общественным сознанием и стремящееся их вытеснить и подменить собой. В этом – внешняя эволюция тоталитарного сознания. Его внутренняя эволюция заключена в том, что логика его существования с неизбежностью приводит к тому, что в тоталитарном обществе правда превращается в ложь, а ложь – в правду. Истина в тоталитарном обществе уходит под землю или существует на поверхности, в стертых безликих штампах, которые всеми воспринимаются не со своей смысловой стороны, а в качестве ритуала.

Соответственно, можно выделить и стадии развития тоталитарного сознания. Начальная стадия – существование в качестве группового (массового) сознания. Вторая (революционная) стадия – становление тоталитарного сознания за счет вытеснения общественного и индивидуального сознания. Третья стадия – стадия господства, сопровождающаяся удушением остатков общественного и индивидуального сознания. Наконец, четвертая (эволюционная) стадия – стадия внутреннего разложения, перерождения, стадия “окаменения” тоталитарного сознания, вырождения в ритуальную форму.

В.А.Окладной
г. Новосибирск

ПОНЯТИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Первым подобный критический философский анализ, детально разработав его методологию (“метод преобразующей критики”), осуществил Фейербах, специальным предметом размышлений которого было духовное, религиозное самоотчуждение человека: именно человек создал представление о своих высших идеальных (“божественных”) потенциях,

но затем идеальные предикаты человека-субъекта превратились в сознании верующего в самостоятельный субъект и человек-творец стал воспринимать себя тварью, творением господствующей над ним высшей силы, Бога-творца. Восприняв методологию Фейербаха, Маркс применил ее к критике идеологии (идеологическое отчуждение: идеи, которые создает сам человек, могут приобрести, как это имело место в гегелевской философии, форму оторванной от человека саморазвивающейся духовной субстанции-субъекта), затем к критике политической сферы (государство и особенно государственная бюрократия как отчужденные от человека и господствующие над ним силы) и, наконец, основное свое внимание сосредоточил на механизме отчуждения человека в сфере экономики (отчуждение труда и т.п.). Построенная на основе понятия отчуждения критическая методология широко использовалась и после Маркса. Многочисленные и многообразные по тематике исследования теоретиков Франкфуртской школы строились на базе именно этой методологии. Ими были разработаны многие ставшие популярными концепции и понятия: одномерного общества, технического отчуждения, технократизма и т.д., широко распространенный термин "массовая культура" в свое время был введен именно франкфуртцами для обозначения самоотчуждения человека в сфере культуры. Та же критическая методология была взята на вооружение различными течениями "неомарксизма", "аутентичного марксизма" (типа югославской группы "Праксис") и других форм "ревизионизма" (Теоретики этих направлений быстро попали в разряд философско-идеологических раскольников, поскольку применили марксову методологию анализа отчуждения к критике не только капиталистического, но и социалистического общества). Понятие отчуждения во многих философских системах отсутствует, оно пришло к нам, через Маркса, из немецкой философской традиции. У Гегеля, введшего понятие отчуждения в философию, термин "отчуждение" имел ценностно нейтральное, описательное значение: дух объективирует себя в предметном мире и тем самым ведет отчужденное, не тождественное своей подлинной идеальной природе существование; отчуждение — это опредмечивание, объективация. У последователей Гегеля понятие отчуждения приобрело ценностное, критическое значение: отчуждение есть просто объективация, но объективация аномальная, деформирующая человека, лишаящая его свободы. Не прибегая к строгим дефинициям, сложившееся и сохранившееся до наших дней понимание отчуждения можно было бы передать следующими утверждениями: по своей природе человек является деятельным, создающим условия своего существования и вместе с тем формирующим самого себя существом; однако в определенных обстоятельствах продукты человеческого творчества выходят из-под его контроля, начинают вести собственное существование и подчиняют себе своего творца, превращая его из самостоятельного субъекта в объект действия им же созданных внешних сил, в этом случае и возникает то состояние человеческой жизнедеятельности, которое кратко обозначают термином "отчуждение". Существующие в нашей литературе трактовки феномена отчуждения содержат в себе ряд неявных компонентов и поэтому требуют уточнения и кон-

кретизации. (Весьма часто она приводит к обнаружению “отчуждения” там; где его, строго говоря, вовсе нет.) Философский анализ социального и личностного отчуждения обычно включает в себя: а) критическую оценку деятельности, выявление тех объективаций, которые отчуждаются от человека и деформируют его свободную жизнедеятельность; б) демистификацию отчужденных от человека сил и обстоятельств, доказательство того, что последние есть продукты человеческой деятельности и что они могут вести якобы независимое существование лишь вследствие иллюзорного восприятия действительности и недостатка воли; в) разработку и обоснование того желательного и должного состояния, которого должен достичь преодолевающий отчуждения человек. Обсуждая понятие отчуждения, нужно иметь в виду, что его анализ давно кристаллизовался в форму целой методологии, притом методологии специфической – критической, что здесь наработан тщательно продуманный, прошедший через горнило разнообразной критики философский инструментарий и что, наконец, практическое применение этой методологии дало как удачные, так и неудачные результаты. Независимо от того, разрабатываются или нет философские концепции отчуждения, сам феномен отчуждения есть реальный факт, который можно зафиксировать эмпирически. Слова “отчуждение”, “отчужденность” и им подобные постоянно используются в повседневной жизни, отсюда они и заимствованы философией. Осмысливая феномен отчуждения, не обязательно смотреть по сторонам, отыскивая переживающих состояние отчуждения людей, можно обратиться и к собственному опыту: каждый из нас в тех или иных обстоятельствах уже переживал такое состояние. Чуткая к личностному миру литература многократно описала мировосприятие переживающего состояние отчуждения человека. Один из характерных примеров: герой романа Достоевского “Подросток”, потрясенный подлостью близкого человека и пережитым унижением, возвращается домой по знакомым, родным местам: “И странно: мне все казалось, что все кругом, даже воздух, которым я дышу, был как будто с иной планеты, точно я вдруг очутился на Луне. Все это – город, прохождение, тротуар, по которому я бежал, – все это было уже не мое. “Вот это – Дворцовая площадь, вот это – Исаакий, – мерещилось мне, – но теперь мне до них никакого дела”; “все как-то отчуждилось, все это стало вдруг не мое” Философский анализ должен отталкиваться от реальных фактов отчуждения личности, переживаемых самой личностью. Отчужденная личность переживает: а) бессилие, свою подчиненность внешним обстоятельствам; б) бессмысленность; в) изоляцию от своего, но ставшего чуждым жизненного мира; г) раздвоение личностного жизненного мира на подлинный – свой и неподлинный – не свой. Состояние отчуждения невозможно адекватно выразить аналитическими средствами. Такие состояния не столько вербально выражаются, сколько переживаются. Для адекватного отображения феномена отчуждения рациональные средства (категориальные разделения, точные понятия, дефиниции и т.п.) должны дополняться художественными средствами, рациональная философия должна дополняться искусством. Синтетический путь – философское произведение в художественной форме. В характеристике

состояния отчуждения личности (или личностей, групп) под “внешними обстоятельствами” нужно иметь в виду лишь то, что входит в жизненный мир человека, в сферу его жизнедеятельности. Человек не может переживать состояния отчуждения по отношению к тому, к чему он никогда не приобщался, что не входит в круг его интересов, забот и идеалов. Аполитичный человек “отчужден” от политики в той же мере, в какой он “отчужден” от Луны или от последних открытий в теоретической физике. Иное дело – человек, вынужденный “в добровольно-принудительном порядке” посещать открытые партийные собрания; в этом случае политика станет той внешней чуждой силой, которая породит феномен отчуждения личности. Человек не отчужден от высокого искусства, если принципиально его игнорирует. Такой человек может представляться малопривлекательным, но состояния отчуждения он не переживает. Иное дело – обманувшийся в своем призвании, но вынужденный “тянуть лямку” профессиональный деятель искусства, либо – человек, вынужденный по тем или иным причинам регулярно посещать концерты классической музыки. В характеристике состояния отчуждения нужно учитывать и тот часто не замечаемый аспект, что в нем всегда присутствует ценностно-нормативный компонент. Состояния отчуждения или, наоборот, состояния гармонии и свободы складываются в зависимости от динамики сущего и должного в мире человека, т.е. от того, что в нем принимается за должное и насколько это должное отвечает ожиданиям и целям человека. Отчуждение есть дисгармония в мире человека, результат несовпадения должного и сущего. Верующий человек, поскольку вера удовлетворяет его духовные потребности и отвечает его представлениям о должном, не испытывает состояния отчуждения; переживать отчуждение может религиозный скептик или разуверившийся в религиозных ценностях, но продолжающий (тем более вынужденный) отправлять религиозные обряды человек. Для республиканца, а тем более анархиста, монархическая форма правления может дать более чем достаточное количество фактов для построения теории “политического самоотчуждения человека”, однако эта форма правления вполне гармонична в соответствующем человеческом мире; отчуждение возникает тогда, когда в этом “монархическом мире” возникает противоречие между должным и сущим, т.е. когда монарх не будет отвечать политическому идеалу и ожиданиям своих подданных, либо когда последние приобретут, оставаясь под властью монарха, новые представления о должном устройстве государственной власти. Поскольку состояния отчуждения определяется динамикой взаимосвязи должного и сущего, то и преодоление отчуждения будет зависеть от того, что будет оценено как источник дисгармонии в жизненном мире человека: должное или сущее. Тезис, что для преодоления отчуждения нужно всегда стремиться изменить обстоятельства, не всегда верен. Может быть, для преодоления отчуждения целесообразней взглянуть на “заставляющие проживать не свою жизнь” обстоятельства реалистичней и пересмотреть завышенные представления о должном.